

70 лет Победы

Семьдесят лет отделяют нас от последних залпов Великой Отечественной войны. Ещё живы те, кто их помнит. Но стремительно редеют ряды поколения, обожжённого горячим огнём той войны, унося, порой, с собою недописанные страницы истории. Как важно их не утратить! Да, война была «одна на всех», но каждый, кого она коснулась, прошёл свой путь испытаний, встретил свою Победу, если остался жив... История Великой Отечественной – это, прежде всего, личные истории судеб её участников.

Кто говорит, что на войне не страшно

Мой дядя, Алексей Иванович Плешаков, - участник Великой Отечественной войны. Он имел множество ранений, в том числе тяжелых, прошёл через ад фашистских лагерей.

Родился он в селе Ездаково Арзамасского района. Его мать и моя бабушка Анна Алексеевна, похоронившая двух мужей, по сути, одна растила и воспитывала четверых детей: дядя был старший. Жили крайне бедно.

Закончив 8 классов, Алексей Иванович какое-то время работал в колхозе, а потом по комсомольской путёвке уехал строить Комсомольск-на-Амуре – это Хабаровский край. Там он встретил земляка, будущего Героя Советского Союза Михаила Петровича Сазонова. В детстве они особо не дружили – Михаил Сазонов был на шесть лет старше, - но там, вдали от родного дома, встрече обрадовались и стали друг за друга держаться. Оба спортивные, сильные, отчаянные. Однако через четыре года их пути разошлись: Михаила Сазонова призвали в армию.

Забегая немного вперед, скажу, что уже после войны они разыскали друг друга. Алексей Иванович жил во Львове на Украине, а Михаил Петрович – в Москве. Хотели написать совместные воспоминания о войне, но как-то не получилось: Михаил Петрович довольно рано ушёл из жизни. Ну а мой дядя успел все-таки написать воспоминания о войне. Сейчас они хранятся в нашем городском историко-краеведческом музее.

Перед войной Алексей Иванович поступил учиться в Московское военно-политическое училище.

С первых же дней войны распорядок занятий в училище уплотнился, ускорился, и в конце сентября 1941 года курсанты училища, получив каждый звание «младший политрук», были направлены на фронт. Воевать Алексей Иванович начал в Смоленской области. Враг в то время был очень силен, под превосходящими силами немцев наши отступали.

В октябре 1941 года мой дядя получил тяжелое ранение в живот. Что самое интересное: в этот момент у него в кармане шинели на-

ходила заряженная граната, и осколок мины прошёл от этой гранаты буквально в 2-3 сантиметрах. Попади осколок в гранату, Алексей Иванович, конечно, погиб бы на месте. Но Бог милывал. Когда медики стали его раздевать, готовя к операции, он вспомнил о гранате. Крикнул, чтобы все отбежали от него подальше, осторожно достал гранату и удалил запал.

После операции дядю направили в тыл, в Ташкент, где он находился на излечении в течение четырех месяцев. Как вспоминал дядя, после кровопролитных боёв было удивительно смотреть на мирную жизнь. В Ташкенте работали магазины, киоски, рынки...

На Ташкентском ипподроме формировался 120 стрелковый полк, куда после госпиталя и направили Алексея Ивановича. После ускоренных занятий по боевой подготовке полк был отправлен в Тулу, а затем на фронт. Шел февраль 1942 года.

Как раз наступила распутица. Дороги превратились в сплошное месиво, в окопах холодно, сыро. В задачу политруков входило поднимать боевой дух солдат, вселять в них уверенность в победе, отвлекать от горестных, тягостных дум. А для этого все средства хороши: и ядрёные шутки, и анекдоты, и забавные, курьезные случаи.

Когда немного подсохло, начали ремонт дорог: засыпали воронки от снарядов, колеи. Укрепляли окопы, рыли ходы сообщения. Словом, готовились к наступлению, о котором вполголоса велись разговоры среди солдат.

В начале лета начались ожесточенные бои, и отдельные высоты, села, деревеньки переходили из рук в руки по несколько раз. Расстояние между нашими и немецкими окопами было порядка 200 метров, а к концу лета сократилось до 60 метров. И лица немцев, случайно высунувшихся из окопов, были хорошо видны.

Так воевал Алексей Иванович до конца октября 1942 года. В один из октябрьских дней было затишье, и Алексей Иванович решил провести политбеседу среди солдат, прихватив с собой свежий номер газеты «Правда». Но внезапно немцы открыли минометно-артиллерийский

огонь. Алексей Иванович встал за пулемёт убитого пулемётчика. Дважды в окоп у его ног падали немецкие гранаты с длинной ручкой, но по каким-то причинам не взрывались, и дважды Алексей Иванович сумел отбросить их в сторону немцев.

Всё же немцы нашли брешь и сумели ворваться в наши окопы. Начался рукопашный бой, а это, как говорил дядя, страшное зрелище. Солдаты с озверевшими, оскаленными лицами бросались друг на друга, и здесь – кто кого. В какой-то момент схватки Алексей Иванович был сбит с ног немецким солдатом, тот наставил на него автомат, нажал курок и... осечка. В следующий миг товарищ дяди по взводу пристрелил этого немецкого солдата. Но через какое-то время у ног Алексея Ивановича разорвалась немецкая граната, и он, тяжело раненый, свалился на дно окопа. Сапоги вместе с портянками оказались разорванными. По лицу, шее, телу течет липкая кровь, в ушах от контузии звенит, перед глазами огненные круги. Мучительная боль. В горячке дядя даже хотел покончить с собой. Но потом возникла мысль: «А вдруг наши сейчас пойдут в контратаку и меня выручат?» Это и остановило его от рокового шага.

Да, наши контратаковали и отвоевали у немцев потерянные позиции, но только через двое суток. Алексей Иванович узнал об этом через 10 лет после войны, когда случайно встретился со своим однополчанином.

Когда стемнело, Алексей Иванович по окопам пополз к тому курстарнику, откуда ожидал контратаку наших: 400 метров он полз всю ночь. Из окопа выбрался только с восходом солнца и увидел... немецких солдат. Это были немецкие сапёры, натягивающие проволочные заграждения. О чем-то переговорив между собой, они поволокли дядю по ходам сообщения. Алексей Иванович потерял сознание.

Очнувшись он после операции на полу в деревянном доме – ему ампутировали правую ногу. В полубредовом состоянии дядя провалялся сутки. Через день раненых, в том числе и его, отправили в лазарет для советских военнопленных. Почему его, тяжелора-

неного, немцы взяли в плен, а не добились на месте, трудно сказать. Может, потому, что не все они были жестокими от природы?

Лазарет, куда вместе с другими нашими пленными привезли дядю, находился в маленькой долине близ города Рославль Смоленской области. В домике были установлены двухэтажные нары. Алексею Ивановичу отвели нижнее место. К вечеру у него поднялась температура, начался бред. Он кричал, метался, звал своих товарищей по взводу в атаку. В бреду начал сдирать бинты с ампутированной ноги. Очнувшись, когда сосед по нарам толкнул его в плечо: «Ты что делаешь, Плешаков, опомнись!» Утром ему сделали перевязку.

Пожилой хирург из военнопленных считал Алексея Ивановича обреченным, но вида не подавал, старался его ободрить. В ступне левой ноги оказалось множество мелких осколков, возникли гнойные очаги, началась сухая гангрена. Хирург при каждой перевязке срезал уже омертвевшие темные ткани кожи, но из-за недостатка перевязочного материала перевязки делались редко, раны кровоточили и гноились. Кроме того, у Алексея Ивановича была переломана челюсть, трудно было есть. А ещё одолевали вши, клопы, блохи... Обслуживающий персонал из пленных медиков и санитаров, как могли, старались облегчить страдания тяжелобольных.

Только через полгода Алексей Иванович встал на костыли и начал ходить. В конце апреля 1943 года его из лазарета перевели в Рославльский концлагерь, а затем отправили в Бобруйский концлагерь, в Белоруссию.

В концлагерях гитлеровцы, как известно, планомерно уничтожали коммунистов. А политработники все были коммунистами. Но военную должность и звание Алексея Ивановича фашисты выяснили не сразу.

Дело в том, что за сутки до своего тяжелого ранения и плена Алексей Иванович заснул у костра и прожёл гимнастерку. Утром старшина ему её заменил, а знаки различия пришить не успел, так что по гимнастерке дядя оказался рядовым. Впрочем, долго тайну сохранить не удалось. Боец, с которым Алексея Ивановича везли в лазарет, рассказал соседям по нарам, что дядя – политрук. Без всякого злого умысла рассказал, не думая о последствиях. Но слух об этом до лагерного начальства каким-то образом дошёл, и его бросили в холодную, промозглую одиночную камеру. Целый месяц провел здесь Алексей Иванович, каждый раз при сжатии ключа думая, что это идут за ним, чтобы расстрелять.

Но и после одиночки ему удалось остаться живым – вместе с другими узниками его отправили дальше, на запад. Так в начале сентября 1943 года он очутился в Польше, в печально известном концлагере Майданек.

В этом лагере, как известно, было уничтожено порядка 1,5 миллиона человек из числа европейцев и советских военнопленных. Немцы начали строить лагерь в 1941 году, достраивали вплоть до 1943 года, постепенно расширяя его по мере поступления всё большего числа военнопленных. По рассказам дяди, лагерь состоял как бы из нескольких полей. Одно поле было отведено для советских военнопленных, второе – для военнопленных из европейских стран, а третье – для женщин и детей. Недалеко от этих полей находились крематорий и газовая камера. По краям полей были вырыты рвы, куда сбрасывали расстрелянных, умерших от голода, болезней и ран узников. Всех в крематории просто не успевали сжигать.

На поле, где содержались военнопленные, было построено 22 барака. Они стояли в два ряда, образовывая своеобразную улицу. В середине этой улицы стояла виселица. Алексей Иванович поступил в так называемый хирургический барак, где со-

держались пленные с ампутацией рук, ног. Здесь не было ни операционной, ни перевязочной. Раны загнивали, нечем их было как-то продезинфицировать.

Шло время. Однажды к Алексею Ивановичу подошёл белокурый парень на костылях:

- Я знаю, что вы Плешаков. Не ошибаюсь?

- Да, я Плешаков, - ответил Алексей Иванович.

- Я – Андрей Данилин. Я знаю, что вы политрук. Меня в канцелярию отправили переписывать разные документы. В списках узников ваша фамилия подчеркнута красным карандашом. А это значит, что вы кандидат в крематорий или газовую камеру. Мне удалось незаметно вытащить вашу карточку и уничтожить, - продолжил он.

«Друг или провокатор?», - настороженно подумал Алексей Иванович. Впоследствии оказалось, что Андрей оказался патриотом, и они подружились. К сожалению, Андрей болел туберкулезом в тяжелой форме и не дожидаясь освобождения Майданека трех месяцев.

Казалось, зиме 1943-1944 годов не будет конца. Узники с нетерпением ждали весны, тепла. Несмотря на лишения, болезни, ранения, издевательства со стороны охраны концлагеря, они все равно верили в свою освобождение, верили в Победу над фашистской Германией. Крематорий, газовая камера работали круглые сутки. Каждый день расстреливали сотни, тысячи узников. Многие умирали от болезней, голода, тяжелых ран. Практически каждый за время своего пребывания в концлагере потерял в весе 25-30 кг. Алексей Иванович, например, при росте 1 метр 72 см. весил всего 47 кг.

Немцы чувствовали наступление Советской Армии и наиболее крепких, работоспособных, стали вывозить вглубь Германии. Остальных планировали уничтожить. Но осуществить эту жестокую, бесчеловечную акцию они не успели: стремительное наступление нашей армии помешало им это сделать. 23 июля 1944 года Майданек был освобожден.

Радости у бывших узников Майданека не было предела. Но к радости примешивалась и тревога. Что ждет их впереди? Как отнесутся к ним на Родине? 28 августа 1944 года их поездом отправили домой.

4 сентября состав прибыл в Киев. Тревога оказалась напрасной. Всех больных и тяжело раненых разместили в одном из киевских военных госпиталей. После Майданека условия лечения казались им настоящим раем.

После длительного лечения в госпитале Алексей Иванович пошел на Львове на Украину. Жениться на медсестре, которая ухаживала за ним в госпитале. Родом она была из Львовской области, и это определило его местожительство.

После выписки из госпиталя, когда поправился и окреп, Алексей Иванович стал работать в артели инвалидов. По настоянию жены пошел учиться, окончил львовский институт текстильной промышленности. Работал на ткацкой фабрике в г. Новоярычево сначала мастером, затем старшим мастером, начальником цеха. Последние 10 лет перед выходом на пенсию работал главным инженером. Заядлый рыбак. Обладал большой эрудицией, начитанностью. У дяди было великолепное чувство юмора.

Приблизительно за 12 лет до своего ухода из жизни Алексей Иванович с женой переехали в Чернигов. Там, в 1999 году у с ним последний раз и увиделся. Он в то время еще довольно бодро себя чувствовал.

Из жизни Алексея Ивановича ушел в 2010 году на 94-м году жизни. Похоронен в Чернигове.

Владимир ПЛЕШАКОВ
г. Арзамас